

И. А. Поляков

**Донские казаки в борьбе с
большевиками**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
П54

П54 **Поляков И.А.**
Донские казаки в борьбе с большевиками / И. А. Поляков – М.: Книга
по Требованию, 2013. – 416 с.

ISBN 978-5-458-23624-9

Описание гражданской смуты в России, исследование её причин и явлений.

ISBN 978-5-458-23624-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

войск и то с трудом 4-6, реже 8 возрастов, Донцы дали под ружье 36 возрастов, иначе говоря все мужское население от 18 до 54 лет, способное носить оружие. Если, поэтому, в своих «Воспоминаниях» мне удастся оттенить хотя бы небольшую долю той огромной роли, которую сыграло Донское казачество в истории освободительного Белого Движения и хотя бы частично отметить его доблесть и неисчислимые жертвы, принесенные казачеством на алтарь отечества, что, полагаю, не должно умереть в памяти русского народа, — я буду считать себя нравственно удовлетворенным. В моих «Воспоминаниях» я пишу только о том, что сам видел, что пережил, перечувствовал, в чем сам лично принимал непосредственное участие, останавливаясь подробно на том, что не попало еще в печать или чему, по недостатку документальных данных, придано не совсем правильное освещение. Других событий я касаюсь лишь попутно, вскользь и только тогда, если по ходу изложения это необходимо, дабы факты связать в одно целое, причем, в таких случаях, ссылаюсь на источники, откуда они заимствованы.

Югославия — Загреб 1925 г.
АВТОР

ИСТОЧНИКИ

Помимо моих личных воспоминаний и заметок, приказов Всевеликому Войску Донскому, копий докладов и отчетов о заседаниях высших представителей командования Донской и Добровольческой армий, официальных постановлений Большого Войскового Круга, а также и многочисленных газет⁴), выходивших на Юге в период 1917-1918 годов, в том числе и большевистских, кроме всего перечисленного, при составлении «Воспоминаний», служили пособием нижеследующие труды:

Отчет Управляющего Военным и Морским Отделами и Командующего Донской армией и флотом — Большому Войсковому Кругу к 15 августа 1918 года. Отчет Управляющего Военным и Морским Отделами и Командующего Донской армией и флотом — Большому Войсковому Кругу к 1-му февраля 1919 года. Краткий исторический очерк освобождения земли Войска Донского от большевиков и начала борьбы за восстановление единой России. Всевеликое Войско Донское. П. Н. Краснов (Архив Рус. рев. Том V). Гражданская война на Юге России 1918-1920 г.г. Ген. Денисов. Поход Корнилова — А. Суворин — Алексей Порошин. Донской Атаман П. Н. Краснов — Г. Щепкин. Донская Летопись. Тома II и III. Очерки Русской смуты. Ген. Деникин. Из Воспоминаний ген А. Лукомского (Архив Рус. рев.).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗ БОТУШАНЫ (РУМЫНИЯ) НА ДОН

Октябрьский большевистский переворот. В штабе IX армии. Тыл армии в конце 1917 года. Растерянность начальства. Поведение казачьих частей. Малая осведомленность о том, что происходит вне армии. Каладинский «мятеж» и главные его вдохновители: Керенский и Верховосий. Настроение офицерства. Бесцельность дальнейшего пребывания в армии. Отъезд из Румьмки. Киев в декабре 1917 года. Слухи о Донских событиях. Вынужденное возвращение в Подольскую губернию в город Хмельник. Новая попытка проехать в Новочеркасск. В казачьем бюро в Киеве в январе 1918 года. Знакомство с офицерами и образование группы для совместной поездки на Дон. Отъезд из Киева. Станция Знаменка и приключения там. Присоединение к казачьему эшелону. Разговоры со стариками казаками. Большевистская пропаганда среди казаков и ее результата. Станция Апо-столово. Решение казаков пробиваться на Дон с оружием, а в итоге — бунт. Наше бегство из казачьего эшелона в г. Никополь. Уход из Никополя и следование по Таврической губернии пешком и на подводах. Настроение крестьян и отношение к нам. Бесследное исчезновение из нашей группы есаула. Снова в казачьем эшелоне от ст. Царевоконстантиновск. Большевизм в Донецком бассейне. Станция Волноваха. Отряды красной гвардии и отношение их к казакам. Арест нашего прапорщика на ст. Яоиноватая. Ст. Дебальцево и расстрел красногвардейцами нескольких офицеров, пытавшихся пробраться на Дон. Наша жизнь в эшелоне. Настроение казаков эшелона и отношение их к большевикам. В Донской области. Ст. Серебряхово и оставление нами казачьего эшелона. В теплушке до Царицина. Царицин в январе 1918 года. Следование с казаками от Царицина до полустанка Злодейского. Ст. Торговая и большевистские порядки. Ночью от полустанка Злодейского до станицы Хомутовской. Прием нас здесь. На подводе до станицы Ольгинской. Ст. Аксайская и конец мытарствам. Благополучный приезд в г. Новочеркасск 23 января 1918 года.

Октябрьский большевистский переворот застал меня в Румынии в штабе IX армии в г. Ботушаны. Происшедшее не явилось для меня неожиданностью. В нем я видел лишь неизбежный заключительный аккорд преступной нерешительности трусливой кучки политических деятелей во главе с Керенским — именовавшейся Временным Правительством. Панически боясь даже призрака контрреволюции и истерически всюду

его преследуя, убогий председатель Правительства, прозевал действительную опасность, вписав в историю Российского Государства бесславные и небывало позорные страницы. Уже в начале октября нельзя было сомневаться, что злополучный парламент революционного самодура доживает последние дни. Нависала багровая туча. Надвигалось новое, ужасное зло — гражданская распря. Работа штаба в это время вообще, а в частности, генерал-квартирмейстерского отдела, почти совсем прекратилась. По старой привычке мы продолжали посещать штаб, где коротали время за игрой в шахматы, шатки, в злободневных разговорах и в обсуждении назревающих событий, стараясь подняв завесу, заглянуть в будущее. Боевой темой для наших бесед, весьма часто, служили несуразные, подчас дикие постановления армейского комитета, заседавшего здесь же в Ботушанах. Это детище революции, созданное с очевидной целью подорвать престиж офицерского состава и тем ускорить развал армии, косо смотрело на нас, расценивая офицеров штаба вообще, а особенно офицеров генерального штаба, как определенных и закоренелых контрреволюционеров. Непосредственной опасности нам не грозило. Наличие румынских частей в городе и юнкеров военного училища, в значительной степени обуздывало аппетиты товарищей. Однако, у большинства из нас душевное равновесие было нарушено, росла растерянность, не было уверенности в завтрашнем дне. Невозможно было оставаться равнодушным и видеть, как мероприятия «Нового Правительства» окончательно разваливают в армии и то, что с большим трудом удалось сохранить. Становилось ясно, что гибнет не армия, не фронт, а гибнет Россия. Даже самые неисправимые оптимисты и те считали, что Россия катится в бездну по наклонной плоскости. Значительная удаленность от очага заразы — Петрограда позволила армиям Румынского фронта, в том числе и нашей, дольше других сохранять, хотя бы видимый порядок. Но гнусная социалистическая пропаганда продолжала свое дело. Развал фронта, происшедший обратно пропорционально расстоянию до Петрограда постепенно близился и, наконец, проник и в нашу армию. Жалкие попытки противодействия, не поддержанные к тому же свыше, были безуспешны. Остановить заразу мы оказались бессильны. В роли вынужденных зрителей, мы наблюдали развертывающуюся кошмарную и мучительную драму: ломались вековые устои, рушились идеалы, традиции прошлого, падали покровы, обнажая гнусное бесстыдство и отвратительное убожество многих руководителей, еще вчера купавшихся в лучах царственного блеска и ласки, а ныне делавших революционную карьеру. Несся ужасный вихрь, превращавший все в обломки. В зависимости от впечатлительности и восприимчивости, каждый из нас переживал душевные страдания и мучился сознанием своей беспомощности. Особенно резко, как я заметил, это от-

разилось на командующем нашей армией ген.-лейт. Анатолии Киприяновиче Келчевском. Раньше всегда веселый, жизнерадостный, душа общества, как принято говорить, он теперь совершенно осунулся, согнулся, пожелтел, состарился.

Военная академия, где генерал Келчевский пользовался общей любовью всего переменного состава, как отличный лектор и как человек, подкупавший всех простотой своего обращения, а затем, — долгие годы совместного пребывания в штабе IX армии — сблизили нас, и в его лице я видел не только начальника, но, несмотря на разницу лет и положения, доброго, близкого, отзывчивого своего друга

Видя ежедневно Анатолия Киприяновича, я замечал, как помимо горьких переживаний, испытываемых всеми нами, его лично гнетет еще и острая боль разочарования в результатах «бескровной». На это у меня имелись довольно веские основания. Помню, еще в самом начале революции, в марте месяце, ген. Келчевский, бывший тогда генерал-квартирмейстером штаба, как-то зашел в мою канцелярию и, будучи в хорошем настроении, шутливо обратился ко мне со словами: «А ты, Иван Алексеевич, все сидишь насупившись, как сыч». На что я ответил: «Особых причин теперь веселиться не вижу». «Ну, конечно, тебе казаку революция не по нутру, вы все больше насчет нагайки». Слово за слово мы начали разговор, который из шутки очень скоро перешел в горячий спор. Через несколько минут комната наполнилась офицерами штаба, привлеченными шумом. По выражению лиц присутствующих, по их репликам, я безошибочно мог заметить, что часть из них сочувствует ген. Келчевскому. Спор касался происшедшей революции и возможных ее последствий. Анатолий Киприянович, в общем, признавал необходимость совершившегося и глубоко верил в светлое будущее, как логическое следствие происшедшего переворота. Моя точка зрения была диаметрально противоположной. Вполне понятно, что при таких разных взглядах, невозможно было найти примирительную равнодействующую в нашем споре и потому ген. Келчевский, кончая разговор, бросил мне фразу: «с твоими убеждениями тебе лучше ехать теперь же на Дон». Я не остался в долгу и ответил: «За совет спасибо, но на Дон я уеду, когда найду нужным. Со своей же стороны, тебе пожелаю, чтобы дивизия, которой тебе предстоит командовать, состояла бы из солдат Петроградского гарнизона, т. е. элемента, по твоим словам, сознательного и каковой ты только что горячо восхвалял, а я предпочитаю командовать полком такого приблизительно состава, с которым мы выступали на войну в 1914 году». Мое пожелание не сбылось. Командовать дивизией ему не пришлось. Революция быстро несла его вверх. После ухода ген.-лейт. А. С. Санникова, он становится начальником штаба Армии, а затем через небольшой срок, принимает на

свои плечи тяжелое бремя командования армией. Столкнувшись здесь с настоящей жизнью и действительными достижениями революции, ген. Келчевский понял свои заблуждения, а также ошибочность и необоснованность своих мартовских надежд. После нашего спора, вопрос этот уже никогда больше не поднимался, да и все последующее само уже красноречиво говорило о достигнутых результатах «бескровной».

События раззевались ускоренные темпом, опережая собою всякие возможные предположения и, зачастую, поражая нас своей последовательностью. Дожили мы и до момента, когда вынуждены были снять погоны и помню, как встречаясь друг с другом, мы избегали смотреть в глаза, будто бы каждый из нас совершил что-то постыдное, нехорошее. Между тем, с каждым днем становилось очевиднее, что здесь на фронте все окончательно гибнет и всякие попытки какой бы то ни было работы с представителями новой власти будут бесцельны и безрезультатны. Боевые действия прекратились. Модные лозунги «без аннексий и контрибуций», «долой войну» — делали свое дело. Дезертирство развилось до предела; целыми ватагами солдаты оставляли позиции и распылялись в тылу, стоявшие части никаких приказов не исполняли, власти не признавали, все время шли митинги, смены и назначения себе начальников. В это время я был начальником «Военно-дорожного отдела» штаба IX армии. У нас этот отдел возник еще в самом начале войны, так сказать явочным порядком, по мысли талантливого начальника штаба армии ген.-лейт. Санникова. Как известно, положением о полевом управлении войск в военное время он предусмотрен не был, что нельзя не признать большим упущением. Опыт войны и сама жизнь показали, что наличие такого отдела в штабе армии безусловно необходимо и, в будущем, надо полагать, на это будет обращено должное внимание. По должности своей, я неоднократно бывал в тыловом районе корпусов и армий, наблюдая и контролируя, как состояние главных железнодорожных узлов, так и работы по постройке и поддержанию в порядке шоссейных и грунтовых дорог, а также разного рода переправ. Само собой разумеется, что солидность, интенсивность и последовательность хода работ, а также окончание их, всегда находились в тесной зависимости от требований боевой обстановки и соображений оперативного порядка. Находясь в генерал-квартирмейстерском отделе и, следовательно, будучи всегда в курсе обстановки на фронте и оперативных предположений, а вместе с тем, непрестанно следя за тылом, я мог, внося известный корректив, приурочивать и согласовывать работы с оперативными требованиями. Мои частые поездки дали мне достаточный опыт по небольшим, не всегда заметным для непривычного глаза, признакам в тылу, делать иногда довольно правильный вывод о состоянии и боеспособности войск. К моему глубокому огорчению, я мало встречал старших

военачальников, которые бы ясно сознавали всю важность поддержания порядка в тылу, видели бы непрерывную связь тыла и боевой линии и отчетливо представляли себе, что дух войск в значительной мере зависит от порядка в тылу, его жизни и настроения тыловых частей. В этом отношении яркими положительными примерами могут служить ген. Лещицкий, бессменный командующий IX армией и Донской Атаман ген. Краснов, а как отрицательный пример — тыл Добровольческой армии в 1918 и 1919 годах. И первый, и второй, мало того, что вполне понимали все огромное значение состояния тыла, но, главное, посвящали ему неустанно особенно много внимания с целью поддержания именно здесь образцового порядка, воинской дисциплины и пунктуальности жизни всего тылового обихода. Многим известно, что тыл это — зло и зло неизбежное. Но от старшего начальника зависит уменьшить вредные стороны тыла до минимума или дать им пышно расцвести и своим ядовитым запахом не только одурманить, но и отравить все прекрасное, героическое — боевое. Тыл как магнит, тянет к себе все трусливое, малодушное, темное, жадное до личной наживы и внешнего блеска. Здесь несется беспорядочная, полная интриг и сплетен жизнь. Злостная спекуляция, тунеядство и выслуживание с «черных ходов» — обычные спутники тыловой жизни. Здесь неудержимая погоня и лихорадочная поспешность в короткий срок использовать всю сумму возможных благ и удовольствий. Тыл и не любит и боится фронта. Крепнет фронт — наглет тыл, совершенно забывая фронт; последний приближается — тыл волнуется, трусливо мечется во все стороны и, возмущаясь, бранит фронт, не сумевший охранить благополучие тыла. Тыл — царство темных героев с громадной популярностью и апломбом, но совершенно неизвестных на фронте. Развязно, самоуверенно, подчас открыто, они цинично критикуют действия фронта. Обычно это — щеголи, одетые с иголки и обвешенные всеми принадлежностями боевого воинского отличия; ведут беспечный и шикарный образ жизни, располагая неизвестно каким способом, добытыми огромными суммами денег. Они горды и на особом привилегированном положении, ибо за каждым из них стоят «высокие покровители» и потому они неуязвимы. Чем дальше от фронта, чем глубже в тыл, тем резче меняется картина тыловой жизни, поражая своей беззаботностью, сытостью, пышностью и бесшабашным разгулом. Победа и неуспех воспринимаются здесь очень чутко, комментируются на все лады, рождая необоснованные слухи и сплетни и создавая нездоровую зараженную атмосферу. И каждый рядовой боец и офицер должен так или иначе вдыхать эту атмосферу. Первое представление о фронте у них зарождается, в сущности, уже в армейском районе, передвижение в котором, зачастую, совершается по шоссе и грунтовым дорогам, иначе говоря, — по этапам. И, конечно, то, что они

видят, слышат, та или иная жизнь здесь оставляет на них первое, а, следовательно и наиболее острое впечатление. Вопрос тыла настолько большой, настолько важный и интересный, что мог бы послужить самостоятельной темой для отдельного исследования, но это не входит в мою программу. Я хочу только сказать, на основании практики и наблюдения тыла и фронта, что между ними, помимо железнодорожных путей, шоссе и грунтовых дорог, помимо телеграфных, телефонных линий и других видов связи, — существует непрерывно духовное единение, есть тысячи невидимых, неуловимых нитей, делающих из двух, как будто бы противоположных частей, одно целое. По моему убеждению, армия с неустроенным, недисциплинированным и дезорганизованным тылом, в смысле не только материальном, но и духовном, обречена на неуспех, как бы ни были доблестны и самоотверженны ее боевые части. Такая армия, быть может, одержит одну, даже несколько временных побед, но, в конечном результате, она обречена на неудачу. Ее заразит, разложит морально и материально ее же тыл. И это одинаково применимо к армии, группе армий и целому государству. Общераспространенное мнение, что в будущих войнах победит тот у кого нервы окажутся крепче. Если это так, то значит надо, еще а мирное время, суметь выковать крепкие нервы с тем, чтобы в начале войны окончательно их закалить. И надо полагать, эта закалка будет происходить главным образом в тылу, в самом широком смысле этого слова, и конечно, дух тыла, его атмосфера, моральное настроение, распорядок жизни, наконец, дисциплина, все это вместе взятое и явится главным фактором, который отразится на качестве и годности этой закалки в предстоящем испытании. К описываемому мною времени, т. е. к началу ноября 1917 г., район нашей армии резко изменил свою физиономию. Ничто уже не напоминало прежнего образцового порядка, изучать который к нам неоднократно командировались офицеры генерального штаба из других армий. Везде бродили праздные толпы солдат, потерявших воинский облик и превратившихся в опасные банды разбойников. Они быстро усвоили лозунги революции, осознали свою силу и нагло, при каждом случае, подчеркивали безнаказанность своих поступков. Начальство растерялось. Вместе с тем резче и резче сказывалось бессилие власти. Некоторые старшие воинские чины начали поигрывать в товарищи, жали солдатам руки, сопровождали приветствие поклоном, а иногда и снятием головного убора. В угоду солдатской массе украшали себя красными бантами, как символ воспринятая революции. Солдаты это оценивали по-своему и становились еще наглее и самоувереннее. Только местами, кое-где оставались, как единственные представители задержавшегося порядка, стойкие казачьи части. Следует указать, что революционный переворот казачьи части встретили особенно, по-своему, с разными оттенками

переживаний. Местами произошли незначительные эпизоды, были увлечения, иногда отказы повиновения, митинги с красными бантами и выражением «недоверия», главным образом, офицерам, не умевшим хранить «казачью деньгу», но справедливость требует сказать, что такие случаи являлись весьма редкими исключениями в казачьей среде. Революционный угар быстро прошел, и у казаков наступило деловито-спокойное настроение. Их сильно беспокоило неясное будущее, но предметом всегдашних разговоров было настоящее. К сожалению, Временное Правительство, совершило огромную и непоправимую ошибку, не сумев разобратся в казачьей психологии. Казаки слабость власти по отношению к нарушителям государственного порядка расценивали, как простое попустительство, а Временное Правительство, под влиянием совета рабочих и солдатских депутатов, в позиции, занятой казаками, видело проявление контрреволюционности и, вместе с тем, угрозу и самой революции. Казакам было ясно, что правительство не на их стороне, однако, несмотря на это, они дольше всех держали дисциплину, оставаясь верными законности, порядку и казачьей идеологии. Даже когда в солдатские массы был брошен страшный лозунг — мир во что бы то ни стало ...и всех властно потянуло домой, на родные нивы и тогда, к чести казачества, нужно сказать, — ни один казак не ушел с фронта, ни один не дезертировал. С глубоким презрением смотрели казаки на товарищей, покидавших позиции и трусливо расползавшихся по своим деревням. Гордое, полное сознания исполнения казаками своего воинского долга, выполнение ими приказов об обезоруживании бунтующих полков, возбудили против казаков солдатские массы и положение казачьих сотен и полков, вкрапленных единицами среди солдатских корпусов, сделалось жутким. К казакам жалось запуганное и загнанное офицерство, а в глазах высших начальников они из «мародеров», «опричников», «нагаечников» и в лучшем случае иронического слова «казачков» — превратились в героев. Товарищи это видели и ненависть и злобное чувство к казакам постепенно росло в солдатских массах. Бывать офицеру среди бушующих солдатских толп стало опасно. Мои поездки по тылу становились реже и, наконец, совсем прекратились. При новых порядках нельзя было и думать вести какие-либо работы в тылу. Всякая подобная попытка заранее обрекалась на неудачу. В лучшем случае, ее сочли бы за контрреволюционную затею, что вызвало бы среди «товарищей» только озлобление и эксцессы по отношению к руководителям и техническому персоналу. В это время уже пышно цвели безграничное бесчинство праздных солдат и дикий бессмысленный вандализм русского разгильдяйства и хамства. Работать никто не желал. Все стояло, словно заколдованное, в том виде, как застала «бескровная», производя ужасно жуткое и тяжелое впечатление. Дороги не ремонтировались, рабо-

чие самовольно разошлись, многочисленный технический персонал номинально организован в комитеты, а фактически каждый делал все, что хотел и устраивал свою судьбу, как ему казалось лучше. На железных дорогах было еще хуже. Здесь царил неопиcуемый хаос. Все станции были запружены дезертирами. Забыв долг и стыд солдата, они партиями бродили по тылам, грабя население, военные склады и совершая насилия. Шло самовольное распоряжение паровозами, подвижным составом и регулирование движения стало невозможным. Администрация железных дорог была терроризирована и бессильна как либо противодействовать. И только энергичные меры Румынского Правительства, принятые им для установления здесь порядка, мало-помалу, начали давать положительные результаты. Наблюдая часто бесчинства солдат, я видел, что большинство «товарищей», творя те или другие безобразия, делали это обычно крайне трусливо. Быть может, бессознательно, но в них все же что-то говорило, что они совершают беззакония, за которые может последовать и должное возмездие. Вот почему, часто тупая их злоба, неожиданно сменялась страхом перед возможностью расплаты. И мне думается, располагай мы тогда, хотя бы небольшими, но стойкими воинскими частями (только не казачьими, так как они, выполняя фактически полицейскую службу, уже сильно возбудили против себя солдатскую массу), развал фронта, если и не был бы совершенно предотвращен, то во всяком случае прошел бы более безболезненно и, быть может, без всех тех роковых последствий. В этом отношении большая вина наших союзников. Они не только не помогли нам в тяжелую минуту, но, наоборот, поддерживая революционную блажь Керенского, тем самым играли в руку нашим врагам, способствуя и развалу армии, и прогрессу внутренней смуты, — в конечном результате совершенно ослабившем Россию и надолго выбросившим ее с мировой сцены, как великую державу. Разочарованность в наших союзниках, начавшись вместе с революцией среди некоторых кругов русской интеллигенции, а отчасти и офицерства, росла по мере углубления завоеваний «бескровной» и достигла высшего напряжения, когда Россия одинокой была брошена на съедение большевикам, оставленная всеми своими друзьями. Освобождение, хотя и временное, австро-германскими войсками значительной части территории из-под красного террора, еще более усилило эту разочарованность и побудило многих призадуматься о принципах верности союзникам.

Мне вспоминается такой случай. Было сообщено, что на узловой станции Роман, собравшиеся товарищи отказываются грузиться в товарные вагоны, требуя подачи пассажирских и в случае неисполнения грозят разгромить станцию и учинить самосуд над администрацией. Одновременно, командуя армией, генерал Келчевский, настойчиво просил